

В традиции русской философии. НАШ СОВРЕМЕННОК СОКРАТ

Автор: Г. Г. ВОДОЛАЗОВ

Предлагаемая публикация необычна для нашего журнала, как, впрочем, и в целом для современной научной периодики. Форма, в которую облакает свои идеи Г. Водолазов, известный многочисленными изысканиями в области истории философии, не случайна. Она отражает лучшие традиции отечественной философской мысли, к сожалению, прерванные внутри страны после 1917 г. Для них было характерно сочетание как философского, так и художественного начал. В таком ключе и написано данное эссе.

История Человечества - так я думаю - начинается... с Сократа. А рубеж, разделивший Предысторию и Историю, - суд над Сократом.

* * *

Суд над Сократом - сплошная тайна, сплошная загадка.

Двадцать с лишним веков "все прогрессивное человечество" ломает голову над этой загадкой. Кажется, еще немного, еще несколько точных и заветных слов - и качнется, и взлетит вверх занавес, скрывающий волнительную тайну. Но нет, не находится это слово - только легкое колыхание темного бархата, только мимолетный просмотр лучей угадываемой за ним Истины.

Каждое новое поколение математиков бралось **доказывать** пятый постулат Евклида, стараясь сократить до четырех количество аксиом (то есть положений, принимаемых на веру, без доказательства), лежащих в основе Евклидовой геометрии - так она выглядела бы более научно обоснованной. В ходе подобных попыток открывались невероятные, потрясающие, великие вещи - Гауссом, Больями, Лобачевским, Риманом. Но пятая Евклидова аксиома так и не превращалась в **доказанную** истину, оставаясь утверждением, принимаемым на веру.

Примерно та же история - с судом над Сократом. Каждое новое поколение философов, политических мыслителей бралось разгадывать его тайну. И тоже немало чего удавалось наоткрывать при этом. Но ощущение неразгаданности оставалось и продолжало мучить всех, желающих понять логику и смысл интеллектуальной истории человечества, а с ней и через нее - смысл человеческой истории вообще, назначение и сущность Человека...

Там все было странно - сплошная воландовщина.

Какой-то сапожно-кожевенных дел мастер (Анит) вместе с привлеченными им сообщниками - бездарным (но страшно честолюбивым и заносчивым) рифмоплетом

Водолазов Григорий Григорьевич - доктор философских наук, вице-президент Академии политических наук.

(Мелетом) и серым, посредственным ораторишкой (Ликоном) - пишут в афинский суд донос на 70-летнего старца (Сократа), требуя для него смертной казни. Обвинение состояло из двух нелепых пунктов: "развращение юношества" (современному молодому читателю, со сбитыми набекрень мозгами, поясню: речь у доносителей шла о развращении **интеллектуальном**) и "отрицание старых богов и придумывание новых".

И вот за это предлагается, видите ли, убить человека. Бред! Полный и почти очевидный. Ну, беседовал старик с некоторыми юношами, ну говорил им какие-то вещи о смысле жизни, назначении человека - да, вещи, по-видимому отличающиеся от того, что говорил Анит, или (допустим даже!) - отличающиеся несколько от общепринятых в Афинах дидактических наставлений. И что? Разве Сократ этот был правителем Афин, народным трибуном, государственным идеологом, наставления которого считались бы обязательными для исполнения гражданами? Какое там! Просто - старый человек сугубо частным образом беседовал с пятью-шестью, редко - с десятью, собеседниками (со всеми, кому не лень было его слушать) - на пирушках, на базаре, в перерывах спортивных состязаний. Никого ни на что не подбивал. Его спрашивали - он отвечал, как он думает. Он спрашивал - ему отвечали, и потом вместе обсуждали эти ответы. Ни к бунтам, ни к восстаниям, ни к борьбе с режимом, ни к неповиновению не призывал, никогда. И даже если предположить, что он говорил что-то, по вашему мнению, господа доносители, "не то" и "не так", то кто вам препятствовал сказать тем же людям и "то", и "так"? И потом, есть же в Афинах школы, гимназии, десятки официальных учителей, идеологов, ораторов. Что, Сократ затыкал им рот, что ли?..

В общем, тут не требовалось никакого адвокатского блеска, никакого адвокатского хитроумия, никакого особого адвокатского мастерства, чтобы перед судьями обнаружить всю нелепость "состава преступления" и требуемой - смертельной - меры наказания.

И насчет богов этих (отрицание одних, придумывание других) - тоже бред. Ксенофонт (ученик Сократа) две сотни страниц написал, массу (известных всему афинскому народу!) примеров привел, из которых видно, что ни богохульником, ни разрушителем религиозно-интеллектуальной афинской традиции Сократ не был. Да, иронизировал (с присущими ему мягкостью и добродушием) над тем, что кто-то в поведении птиц выискивает знаки божественных знамений, подсмеивался над теми, кто в каких-то других, столь же нелепых приметах видел волю и знаки богов. Так разве это **богов**, это - **дураков** "отрицание".

И насчет выдумывания новых. Да, Сократ признавался друзьям, что иногда, попадая в затруднительную жизненную ситуацию, когда трудно рационально взвесить все аргументы в пользу того или другого выбора, он прислушивался к тому, что говорит ему некий внутренний голос ("даймоний", как его называл Сократ). И Сократ свидетельствует, что неоднократно убеждался: голос, "даймоний" этот, дает очень удачные советы. "Ага! - взвизгивали тут Аниты и Мелеты. - Вот, вот! Вот это и есть новый, придуманный им Бог - Даймоний! Убейте его за это!". И снова - бред. И тут не нужно никакой адвокатской изворотливости. Достаточно спокойно, толково и просто разъяснить людям, как это и делали потом Платон с Ксенофонтом, что ни о каком "новом Боге" тут и речи не шло. Что это - всего лишь "внутренний голос", который есть у всякого (более или менее нормального) человека, - это голос Совести, голос Нравственного Выбора. Какие-нибудь чудачки или полные тупицы и могли бы пойти на поводу у демагогии Анитов и Мелетов. Но полтысячи свободных афинских граждан, судивших Сократа, не могли клонуть на такую чепуховину - да ни за что!

Но вот поди ж ты, хотя обвинения доносителей никак - по всем афинским законам и обычаям - не тянули на "смертную казнь" (да и обвинения эти на суде доказаны не были) - несмотря на все это, Сократа (а судили его не в закрытом заседании и не какие-нибудь там сталинские "тройки" и "пятерки" по приказам "сверху", а пять сотен свободных афинских граждан в открытом процессе), приговорили... к смерти.

Удивление и потрясение таким поворотом дела первым в истории высказал один из учеников Сократа, Ксенофонт: "Часто удивлялся я, какими это доводами люди, обви-

наввшие Сократа, убедили афинян, что он заслужил смертный приговор от сограждан" [Ксенофонт, 1993, с. 39]. С этой фигурой вопрошения, с этим выражением "удивления" он так и остался стоять в истории, передавая эстафету вопрошения и удивления последующим поколениям.

А эта фантастическая история с голосованием судей. "Виновен" - решили 280 человек из 501. А когда далее решался вопрос о мере наказания этого "виновного", - за смертную казнь проголосовало 360 (!) человек. То есть получается, что 80 судей, посчитавших Сократа невиновным, вдруг этому "невиновному" вклеили "смертный приговор". Что за дьяволиада такая?

Но самое странное и загадочное - поведение Сократа на суде. Вместо того чтобы спокойно, с присущей ему логикой и убедительностью отводить идиотские обвинения, он начинает сам себе формулировать обвинения - причем весьма серьезные и основательные. При этом ведет себя по отношению к судьям столь вызывающе, словно задался целью не защитить, а обвинить себя, словно боится, что (вдруг!) его оправдают. Создается впечатление, что он, по выражению Ясперса, просто "выхлопывает себе смертную казнь". Зачем? Почему?

Заманчиво принять участие в коллективном многовековом поиске ответа на эти вопросы, на эти загадки и странности.

Мне кажется, что многие "странности" станут понятными и разъясненными, если мы поймем, что судебный процесс над Сократом движет не слепая игра каких-то сил, не случайный баланс доводов и контрдоводов, не искусство обвинителей и не сознание судей. Процесс с самого начала и до самого конца выстраивается и режиссируется... Сократом. Он им управляет. Он создает его как мастер-живописец свою картину, как писатель - роман, как философ - эссе. Вся жизнь Сократа - в главном и в частности - это философское произведение, классически выстроенное. Суд, последовавший в ходе его приговор, смертная казнь Сократа - это последняя глава в его жизне-произведении, и создана она в совершенно блистательной манере - по законам Истины и Красоты.

Давайте же повнимательнее взглянемся, "вчитаемся" в эти последние страницы Сократовского жизне-творения, и попытаемся затем понять скрытые в них глубинные смыслы.

Семь "зачем?" и одно "почему?"

1. **Зачем** Сократ отказывается от зачитания защитительной речи, составленной для него знаменитым афинским оратором Лисием, речи, почти наверняка спасавшей его. Почему предпочитает - довольно неумело с процессуальной точки зрения - защищаться сам?

2. **Зачем** он, обычно мягкий и деликатнейший человек, так вызывающе ведет себя по отношению к обвинителям, не останавливаясь перед тем, чтобы назвать их "лгунами", "клеветниками", "бесстыдниками"?

3. А куда подевалась общеизвестная скромность Сократа? **Зачем** это он о себе - с таким самомнением, с такой просто шокирующей нескромностью: "...Бог послал! меня городу как такого, который целый день, не переставая, всюду садится и каждого из вас будит, уговаривает, упрекает", "другого такого вам нелегко будет найти, о, мужи", "таким образом, о мужи афиняне, я защищаюсь теперь совсем не ради себя, как это может показаться, а ради вас, чтобы вам, осудившим меня на смерть, не проглядеть дара, который вы получили от Бога" [Платон, 1990, с. 84 - 85].

4. А **зачем** понадобилась демонстрация пренебрежительного отношения к судьям, к коллективному разуму афинских мужей: "И вы не шумите, о мужи афинские, даже если вам покажется, что я говорю несколько высокомерно". И этот знаменитый пассаж: "даже если бы вы меня отпустили и при этом сказали мне: на этот раз, Сократ, мы не согласимся с Анитом и отпустим тебя, с тем, однако, чтобы ты не занимался этим исследованием и оставил философию, а если еще раз будешь в этом уличен, то должен будешь умереть, - так вот, говорю я, если бы вы меня отпустили на этом условии, то я

бы вам сказал: "Желаю вам всякого добра... о мужи афинские, а слушаться буду скорее Бога, чем вас, и пока есть во мне дыхание и способность, не перестану философствовать"; кстати, что бы вы тут ни решили, я "не буду просить вас о помиловании".

5. **Зачем** нарочито усугубляет трудности своей защиты? Вместо того чтобы ограничить круг обвиняемых и обвинений, сосредоточившись на таких хлипких обвинителях, как Анит и Мелет, он по доброй своей воле резко расширяет содержание обвинения и количество и "качество" обвинителей: "Ведь, у меня много было обвинителей перед вами и раньше, много уже лет..." И называет "обвинителей" по-настоящему солидных и авторитетных, иных можно назвать людьми знаменитыми (даже гениальными - Аристофана, например) - не чета бездарному поэтишке Мелету или кожевеннику Аниту: "Их-то опасюсь я больше, чем Анита с товарищами", ибо те, прежние, "обвиняли меня раньше и гораздо больше, чем теперешние". Ежели - так, зачем же ты их тащишь сюда, Сократ? Зачем удешевляешь сложность своей защиты. Ну, не самоубийца ли ты? Зачем?

6. 280 судей из 501 (многие из которых поначалу были лояльно настроены по отношению к мудрому старцу, но затем, по-видимому, были раздражены его поведением на суде) голосуют: "виновен". И все же соотношение голосов не слишком катастрофично для Сократа: 280 против 221. Это же почти равновесие. Перетяните на свою сторону всего тридцать голосов - и будет 251 (то есть большинство!) за невиновность! В такой ситуации, кажется, всякому должно быть ясно: найди "правильный" тон, "верную" интонацию, "подходящие" аргументы, пойдешь (совсем немного, совсем чуть-чуть) навстречу обычным представлениям афинских граждан, ну, потрафишь им немного - и 30 - 40 голосов твоих, и согласишься большинство на какую-нибудь мягкую форму порицания. Так нет, он не только не борется за эти 30 голосов, но так выступает после первого голосования, что дополнительно несколько десятков голосов судей берут сторону обвинителей. "Итак, чего же я заслуживаю...? - начал изобретать себе наказание Сократ. - Что-нибудь хорошего, о мужи афиняне, если уж в самом деле воздавать по заслугам, и при том такого хорошего, чтобы для меня подходило. Что же подходит для человека заслуженного и в то же время бедного, который нуждается в досуге вашего же ради назидания?". Наверное, здесь он сделал паузу, наверное, была звенящая тишина: пять сотен афинских граждан ждали развязки - что же такое придумает этот странный человек? "Для подобного человека, о мужи афиняне, - с несколько, я думаю, наигранной кротостью продолжил Сократ, - нет ничего более подходящего (здесь, я думаю, была еще одна пауза), как получить ДАРОВОЙ ОБЕД В ПРИТАНЕЕ". Да что он говорит, не ослышались ли? "Даровой обед в Пританее"! Да эту величайшую честь предоставляют ГЕРОЯМ Афин, Олимпийским победителям. А он, признанный уже "виновным"... И, конечно, его "бесплатные обеды" выглядят неприкрытым измывательством над бедными "мужами афинянами"! И вот теперь уже 360 человек - за смертный приговор. Парадокс: 80 судей, признавших его в первом голосовании "невиновным", после этаких его речей переметнулись в ряды обвинителей, да еще с требованием смертной казни. Добился-таки своего Сократ! **Зачем?**

7. И вот - заключительная, прощальная речь после "смертного приговора". Может, тут, готовясь к отходу в другой мир, смягчился и смирился Сократ и решил сказать что-нибудь примиряющее, отпускающее грехи своим строгим судьям? Какое там! Ответил предсказанием-угрозой: "А теперь, о мои обвинители, я желаю предсказать, что будет с вами после этого... И вот я утверждаю, о мужи, меня убившие, что тотчас за моей смертью придет на вас мщение, которое будет много тяжелее той смерти, на которую вы меня осудили". А вот что он скажет тем ста сорока, кто, несмотря ни на что, проголосовал за его невиновность и, естественно, против смертной казни: "Не раскаиваюсь в том, что защищался таким образом, и гораздо скорее предпочитаю умереть после такой защиты, нежели живым, защищаясь иначе". **Зачем** он сказал это?

8. И последнее: **ПОЧЕМУ?** Почему не бежит Сократ?

Ведь Критон все устроил, все подготовил. "Послушайся ты меня, - умоляет Сократа верный и преданный Критон, - и не отказывайся от своего спасения...". Все продумано

и все готово. Стража подкуплена (да она к тебе и так расположена - готова закрыть глаза на твое исчезновение). И жилье подготовлено в Фессалии ("у меня там друзья, которые будут тебя высоко ценить и оберегать, так что во всей Фессалии ни один человек не доставит тебе огорчения"). И средства для жизни будут в достатке: "ты же можешь вполне располагать моим имуществом, и я думаю, его будет достаточно". И Симмий Фиванец, и Кебет, "и еще очень многие" готовы дать деньги ("Фонд Сократа"!). И будешь продолжать ты свою, такую нужную для людей, деятельность. И продлишь такую нужную для друзей твоих жизнь. Но Сократ отказывается - мягко, понимая и уважая намерения своего "милого друга" Критона. Мягко, но НЕКОЛЕБИМО: "Если ты будешь (продолжать) говорить противное, то будешь говорить понапрасну". Почему?

Предсмертные письма Сократа Платону

Я нашел их. Не спрашивайте, где и как, это - долгий и особый разговор, да и для другого сорта изданий - для какого-нибудь журнала вроде "Огонька" или "Вокруг света". Я буду доказывать их подлинность не дотошным рассказом о месте, времени и обстоятельствах находки - хотя бы потому, что подобные рассказы мало чего стоят. Тут можно много чего наплести - поди проверь. Опубликовал же недавно один чужак в "Независимой газете" некое "Завещание Плеханова". И наговорил, наплел с пять коробов - как по невероятным человеческим цепочкам, с рук на руки двигалось оно, начиная с 1918 г. Разумеется, люди, прятавшие и передававшие его, давно уже померли, а в живых - вот только он, автор сенсационной публикации, - последнее звено в цепи движения потрясающего документа. Конечно, в целях проверки можно попытаться пройтись по всем пунктам "передаточной" эстафеты, поднять архивы и т. д. Но мне нет надобности это делать. Мне достаточно прочитать несколько дубоватых, малограмотных фраз из этого "Завещания", чтобы сказать: Георгий Валентинович **таким** образом никогда не выражался, **так** он просто не мог написать; я еще, подобно Гамлету, слава Богу, способен отличить полет сокола от полета цапли; я еще могу отличить щенячий писк какой-нибудь современной эстрадной поп-звезды от сверкающего звукового потока Марио Ланца. Так вот, **я** подлинность писем буду доказывать всем известными фактами, цитатами и свидетельствами из давно опубликованных книг. Приводимые мной письма не содержат ни одного факта, не известного ранее, ни одной цитаты, еще не опубликованной. В общем, любителей дешевых сенсаций я должен разочаровать: в письмах напрочь отсутствует какая-либо новая информация. Новое в них - лишь **объяснение** известного.

И еще одно предварение. Кому-то, возможно, покажется уж очень современным стиль этих писем. Да, конечно, переведи я их на старославянский, они выглядели бы "посолидней", "подревностней". Но я перевел их не просто на русский, но на **современный** русский язык (при сохранении древнегреческого содержания, что подтвердят, в частности, многочисленные цитаты из произведений античных авторов, приводимых мной в том виде, как они переведены в серьезных классических изданиях).

А теперь - к письмам.

Письмо первое

(День первый, после приговора)

Дорогой Платон!

Возьми себя в руки, дружище! Тут не надо никаких истерик. (*"Перед вынесением окончательного решения Платон пытался увещевать присяжных. Он уже было взобрался на помост и начал говорить: "Граждане афиняне, я - самый молодой из всех, кто сюда всходил..." - как судья закричал: "Долой! Долой!"*) [Диоген Лаэртский, 1998, с. 105]. Не надо выглядеть жалко, давая врагам нашим повод для торжества. Неизбежность надо принимать стойко. Взвесь возможности: есть шансы - дай бой, нет - без стенаний прими судьбу, хладнокровно и достойно. Но это - так, совет на будущее.

А вообще-то спасибо тебе, дружище. Твой - хотя и бессмысленный - порыв был для меня, пожалуй, единственной наградой в этот день. Я понял, даже нет - почувствовал: есть люди, готовые и способные встать со мною рядом, перед палачами.

Но не спеши разделить мою земную судьбу. Ты молод, у тебя все впереди. Ты много еще можешь сделать.

Мне нечем тебя утешить. Я понимаю, как ты переживаешь, теряя Сократа (говорю о себе в третьем лице - не из чванливости, чего мне перед тобой-то чваниться, - просто знаю себе цену и знаю твое ко мне отношение; а потому будем говорить откровенно, что называется, "без дураков"). Но - выдержи, выстой.

Это наш последний с тобой разговор. И впервые - письменный. Ты знаешь, я не любитель писательства. Это - сознательно, по многим причинам. Ведь задачу свою я видел не в том, чтобы писать какие-то назидательные, дидактические трактаты, рассчитанные на любого человека, или расписывать научные, претендующие на высокую и объективную истину. Я просто не был готов к этому. Я совсем не валял дурака, говоря, что "я знаю, что я ничего не знаю". Эту фразу мою будут трепать разные там историки философии, выворачивая ее и так, и эдак и выискивая в ней какие-то особые потаенные, глубокомудрые смыслы. На самом же деле она предельно проста и ни на какую сверхмудрость не претендует. Я просто честно и искренне сказал, что ничего не знаю о том, что, в первую очередь и главным образом, следовало бы знать человеку. А именно - о действительной сущности и действительной природе человека и вытекающем из этой его природы назначении человека в этом мире.

Ты можешь, и вполне резонно, заметить, что "незнание" - не добродетель, что незнанием не хвастаются, не гордятся, а в моей-де фразе есть этот оттенок горделивости. Да, не скрою, есть. Но горжусь я в ней не "незнанием", а - **знанием**, хотя и специфическим, главное в ней - то, что я **знаю**, что я ничего о вышеупомянутом **не знаю**. Тогда как другие относительно себя этого **не** знают. Им-то кажется, что они знают очень многое, едва ли не все. Но что они знают? Что знают даже самые мудрые из мудрейших - от Фалеса до Анаксагора? Ну, знают, когда наступит солнечное затмение, как определить высоту пирамиды, знают, что квадрат, выстроенный на гипотенузе, равен сумме квадратов, построенных на катетах, знают о "законах природы", устанавливают причины разнообразных природных явлений. Они многое знают о мире, в котором мы живем. А мудрейшие из них (Фалес, Анаксимандр, Анаксимен, Гераклит) немало продвинулись по пути осмысления мира как некоей целостности, как некоего единства, пронизанного общей субстанцией. Да, мир, эту среду нашего обитания, знать надо - чтобы осмысленно в ней действовать. Кто же с этим спорит! Но во всем этом многознании нет **главного**: осознания того, что мы, люди, - не просто "часть природы", не просто превращенная, усложненная форма воды, воздуха, огня, апейрона, подчиняющаяся в своей деятельности, как и все другие вещи, "законам природы" (воды, воздуха, огня и т.п.), а "вещь" особая, уникальная, одаренная такими инструментами, как "душа", "сознание", "совесть", благодаря которым мы действуем в мире, следуя иным законам и правилам, чем все остальные природные "вещи".

Вот что я **знаю**, Платон! И разве это малое знание? Разве оно не открывает дверь в новый, неизведанный, не исхоженный еще мир познания? Да, я только приоткрыл дверь в этот мир, я о нем еще ничегошеньки не знаю. Но я знаю, где этот мир и где дверь в него!

Я поздно открыл этот мир. Большую часть жизни я посвятил изучению той "мудрости", которой обладали мудрейшие. Я читал их книги, я ездил к ним, слушал их речи, вел с ними беседы, мучительно размышлял над их исканиями. И наступил предел, рубеж, когда я понял: все эти знания второстепенны, малосущественны для человека, они - лишь некое введение, некое предисловие к миру его действительных знаний; это - с одной стороны. А с другой - хотят, несчастные, узнать сущность Мира, Космоса, его происхождение, его - бесконечное! - прошлое и - такое же бесконечное - будущее. Ведь это же претендовать на то, чтобы сравняться с Богом (описать его цель и замысел!). Иначе говоря, с одной стороны, их метод уводит человека от действительно стоящих и

важных для него предметов познания, а с другой - выдвигаемая ими познавательная задача (понять замысел Творца!) не может быть решена в надлежащей степени, ведь это - бесконечный процесс накопления микроскопических кусочков истины.

А когда я понял, что именно надо познавать и где находятся эти предметы познания, отведенный мне лимит земного времени приблизился к концу. Конечно, я приоткрыл ту, найденную мной, потайную дверь и, разумеется, потоптался немного в том, лежащем за этой дверью, мире Истины. Но сколько я могу один там понаоткрывать! Да и умри я - кому-то снова, путем тяжелых испытаний придется вновь искать и открывать ту потайную дверь. Потому-то я и видел свою задачу, дорогой Платон, в том, чтобы рассказать людям об этой "двери", об этом входе в Мир Истины. Позвать их туда, объяснив, что мир, где живут они, это всего лишь царство теней, дающих слабое и искаженное представление о подлинной Истине.

При случае объясни это людям, Платон. Напиши об этом с тем литературным блеском и той образностью, которой - из современников - один лишь ты обладаешь в такой совершенной степени. *(Не этот ли завет Сократа выполнил Платон, создав свой знаменитый образ-миф о Пещере?)*.

Так вот, дорогой Платон, мне в первую очередь и надо было рассказывать людям не о Мире Истины (потому что и сам я еще только-только приглядывался к нему и мало что успел разглядеть, да и потому, что скажи я о нем людям - за сумасшедшего примут, или, того хуже, - за богохульника, врага общества и каждого человека), мне надо было всего лишь потихоньку-полегоньку **готовить** людей к вступлению в этот новый мир, увлекать их, звать за собой. Надо было осторожно и деликатно - в форме непритязательных бесед - подводить их к мысли о противоречивости, спутанности, а то и пустоте их так называемых "знаний". Важно было, чтобы они (с моей легкой помощью, незаметным подталкиванием) сами приходили к выводу: их "знания" - это мишура, пустяки, что надо идти к другим предметам, к другим сферам познания. Поэтому каждый мой разговор с человеком - новый по форме, примерам, содержанию. Этот разговор - вслушивание, всматривание именно в **этого** человека, это я ему - данному, конкретному человеку, опираясь на его специфический жизненный опыт (моряка, воина, земледельца, сапожника), стараюсь показать никчемность тех "знаний", которыми его кормят со школьных лет. Поэтому что же тут записывать? Разговоры наши - будничные, с одним - об одном, с другим - о другом. Какая же тут "система", какая "наука"?

И еще, может быть, самое главное. Даже то, что я знаю, что продумал и, казалось бы, понял, меня самого не до конца устраивает. Я ощущаю неполноту, ограниченность этого знания. Любое мое, даже более или менее "правильное", утверждение надо десятки раз исправлять, уточнять, расширять - в одном отношении и ограничивать - в другом. В частном-то разговоре оно сойдет - оно в нем текуче, оно живет: само себя критикует, уточняет, изменяет. А запиши его - оно так и застынет в своей ограниченной форме. Вот почему я и не писал ничего, дорогой Платон. Не пришло время. **Для меня** не пришло.

Но тут уж, в этой необычной ситуации, в какой я сейчас оказался, пришлось вот взяться за перо (?). Мне кое-что хочется сказать тебе на прощанье, кое-что пояснить для тебя - жаль уносить в могилу. Конечно, будь ты рядом, я не изменил бы своему обычаю устной беседы. Но ждать твоего выздоровления - рискованно, вдруг ты не поправишься до того, как мне принесут смертельное зелье.

Письмо сие, по изложенным выше причинам, не публикуй, оно только для тебя одного. Оно - некая путеводная нить для тебя по истории моей жизни, и ты сам - я верю! - разберешься, может быть, лучше, чем я, где я сужу сам о себе верно, где - нет; ведь автохарактеристика - штука опасная, иногда далеко отходящая от истины...

Сейчас тишина. Умиротворяюще горит моя масляная лампа, за окном - темное афинское небо, усыпанное драгоценными камнями звезд, этими знаками Пространства и Вечности.

Ушли восвосяи мои друзья и мое семейство. Целый день надрывали мне душу.

Вначале - Ксантиппа с сыновьями. Этих особенно тяжело было вынести. Эти ее рыдания, с младшеньким на руках. А тут еще Критон со своими сентенциями - что я-де поступаю эгоистично, несправедливо, отказываясь спасти свою жизнь бегством. "Ты предаешь своих сыновей, - наседали на меня. - Оставляешь их на произвол судьбы, между тем как мог бы и прокормить, и воспитать их. И твоя это вина, если они будут жить как придется; придется же им испытать то самое, что выпадает обыкновенно сиротам на их сиротскую долю". А потом и совсем добивает: "Или не нужно заводить детей, или уж нести все заботы о них - кормить и воспитывать, а ты, мне кажется, выбрал самое легкое; следует же тебе выбирать то, что выбирает человек добросовестный и мужественный, особенно, если говорил, что всю жизнь заботился о добродетели". И пошло-поехало: и в суд можно было не являться, и на суде вести себя иначе, и вот после суда - можно спокойно убежать за пределы Афин.

А я вот "самое легкое" выбрал - казнь смертную, а я вот такой не-мужественный и не-добросовестный - не размазал слюни по лицу, изворачиваясь перед судьями, такой вот гордец: не бухнулся перед ними на колени - о, да, ради них, детей, жены... О-о-о!..

М-да, по самому больному месту ударяет мой друг Критон.

Моя бедная, несчастная моя жена. В самом деле, что она получила от жизни со мной? Нищету и унижения. Идеи мои, мысли мои? Ну, что они ей? Она - земной человек. Она - прекрасный и нормальный, во всех отношениях, человек. Она хотела жить "как все", как другие: обеспеченная семья, ухоженные дети, получающие хорошую земную профессию... Я ничего этого ей не дал. Я не **мог**, мой милый, мой дорогой Платон, я не **мог** всего этого ей дать. Ну, ведь для меня мой образ жизни - не чудачество, не блажь, а единственно возможный способ существования. От другого - я бы или повесился, или сошел бы с ума. Тогда нечего жениться, нечего заводить детей, - кипит благородным гневом Критон. Не знаю, может быть. Но кто же, женясь, может предвидеть, что более чем нормальная жизнь, то есть жизнь по правилам справедливости и нравственности, окажется столь несчастной и трагической...

Как бы там ни было, я - объективно - очень виноват перед ней. Я-то жил счастливо (как это ни покажется странно обывателям), ибо в полном соответствии со своими желаниями и идеалами. А она? Она-то - другая. Я втянул ее в чуждую ей жизненную колею. Она, а не я, - на самом деле жертва. И - не "судьбы", не "обстоятельств", а исключительно - моей недальновидности. Но когда я увидел, когда понял это - задолго до суда! - исправить что-либо было уже невозможно. Не бросать же жену и детей.

Да, и дети... Да, рано, рано приходится умирать, Платон. Детей бы хоть немного поставить на ноги, тогда бы уж - и в вечный сон. Но опять: как это "на ноги"? Отказаться от моего образа жизни? Не могу! Не "не хочу", а просто НЕ МОГУ: это - отказаться от жизни... Но есть, Платон, и еще одна грань во всей этой истории. Критон кричит - что я должен жить, чтобы детей "воспитывать". А разве я их не "воспитывал" всем своим образом жизни, разве я не учил их добродетели, разве я им - не словами, не болтовней - а делом, делом всей своей жизни не показывал, что такое "справедливость", "честность", "порядочность", "долг"? И разве **это** - не главное в "воспитании"? А что, разве своим поведением на суде я не продолжил их "воспитание", разве, черт тебя побери, Критон, смертью своей я их не "воспитываю"? Разве они получили бы лучший урок "воспитания", видя, как их отец, спасая свою шкуру, предает все, чему он их учил верить и поклоняться? И разве моя "маленькая просьба" к согражданам - последнее, с чем я обратился к ним на суде, - не акт "воспитания" моих детей, не моя "воспитательская программа" детям на всю их жизнь? Ну, а ты помнишь, конечно, эту мою "маленькую просьбу":

"Если, о мужи, всем будет казаться, что мои сыновья, сделавшись взрослыми, больше заботятся о деньгах или еще о чем-нибудь, чем о доблести, отомстите им за это, преследуя их тем же самым, чем и я вас преследовал; и если они будут много о себе думать, будучи ничем, укоряйте их так же, как и я вас укорял за то, что они не заботятся о должном и воображают о себе невесть что, между тем как на самом деле

ничтожны. И, делая это, вы накажете по справедливости не только моих сыновей, но и меня самого".

... А когда Ксанטיפпа с детьми уходили от меня по тропинке в сгущающуюся тьму афинского вечера, я, стоя на пороге моей тюрьмы и глядя им вслед на их согнутые, горем придавленные спины, на их горестно опущенные руки - веришь ли, разрыдался. И рыдал долго и безутешно, как рыдают только в детстве.

Вот и сейчас: пишу тебе это, и не могу сдержать слез, и - перехватывает горло...

Продолжаю некоторое время спустя.

Ну, и еще одно (и, надеюсь, последнее) мое сетование - перед тем, как перейти к серьезному нашему с тобой разговору. Об учениках моих. Тоже весь день душу тянули. Хорошие, славные они ребята, но какие-то наивные и - не хотел этого говорить, но тебе все же скажу - глуповатые. До предела. Аполлодор своими слезами весь мой плащ оросил - до сих пор вот сижу с мокрыми плечами - будто дождем окатило. Сидит и причитает: "Особенно мне жаль, Сократ, что тебя осудили *несправедливо*". Надоели мне эти стенания. Легко стенать, когда *других* режут. Ну, и съязвил я (о чем сейчас жалею - бедный и славный Аполлодор этого не заслужил!): "А тебе что, - говорю, - было бы легче, если бы меня осудили *справедливо*!".

А потом он надумал, что принесет мне какой-то новый, "прекрасный" (по его выражению) плащ, чтобы в этом невероятно прекрасном плаще мне умереть (такая вот трогательная забота!). "Неужели мой собственный плащ, - отвечаю я ему, - годился, чтобы в нем жить, и не годится, чтобы в нем умереть?".

Да, и Критон тот же, извел прямо меня: все о побеге, да о побеге. Ну, что за глупый парень! Мочи моей просто нет! Совсем не понимает, что произошло. А объяснять ему - и долго (до цыкуты не успеешь!), и для него - бесполезно, - не поймет ничего.

(Продолжение следует)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1998.

Ксенофонт. Сократические сочинения. СПб., 1993.

Платон. Собр. соч. В 4 т. Т. 1. М., 1990.